

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Государственная Дума и Государственный Совѣтъ.

Закономъ 20 февр. Государственная Дума и преобразованный Государственный Совѣтъ получили вмѣсто прежнихъ законосовѣщательныхъ законодательныхъ права. Если прежде законодательная власть принадлежала одному монарху, то теперь она складывается изъ трехъ элементовъ: Думы, Совѣта и монарха. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ владѣетъ лишь однимъ изъ трехъ ключей отъ законодательной сокровищницы. Безъ согласія хотя бы одного изъ нихъ законъ не можетъ имѣть силы. Лишь во время прекращенія занятій Думы въ случаѣ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ правительство можетъ издавать законодательные акты. Но они теряютъ свою силу, если собравшаяся Дума въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не дастъ на нихъ своего согласія. Законодательные права Думы и Совѣта равны. Тому и другому учрежденію принадлежитъ право законодательной инициативы, за исключеніемъ сферы основныхъ законовъ, починъ пересмотра которыхъ монархъ оставляетъ за собой. Разсмотрѣнные Думой законопроекты поступаютъ въ Совѣтъ. Наоборотъ, законопроекты, выработанные Совѣтомъ, разсматриваются затѣмъ Думой. Законопроекты, одобренные и Думой, и Совѣтомъ, представляются на усмотрѣніе монарха. Законопроекты же, непринятые или Думой или Совѣтомъ, признаются отклоненными. И Думѣ и Совѣту предоставлено кромѣ того право запроса къ министрамъ по поводу незаконныхъ дѣйствій администраціи. Но это право обставлено весьма сложной процедурой. Запросъ долженъ быть представленъ письменно не менѣе какъ отъ

30 членовъ и принять большинствомъ Думы. Онъ можетъ касаться лишь незаконнѣрныхъ, а не вообще нецѣлесообразныхъ дѣйствій. Министръ можетъ отказать Думѣ въ разъясненіяхъ, сославшись на причины, лишающія его возможности отвѣчать на запросъ. Такимъ образомъ законъ 20 февр. вводитъ у насъ такъ называемый дуалистическій конституціонный строй, при которомъ исполнительная власть стоитъ почти внѣ всякой зависимости отъ представительнаго собранія. Типичный образецъ такой конституціи даетъ Пруссія. Прусскому ландтагу предоставлено право запросовъ правительству, но эти запросы не имѣютъ другого значенія, кромѣ моральнаго. Министръ можетъ уклониться отъ отвѣта или сослаться на волю короля. Онъ можетъ оставаться довольно равнодушнымъ даже при неодобрительномъ отношеніи къ нему всего ландтага.

Нѣкоторые органы нашей печати выражаютъ сожалѣніе, что Совѣтъ по правамъ своимъ приравненъ Думѣ. Однако это обычное явленіе почти во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, гдѣ, вообще говоря, верхнія и нижнія палаты признаются юридически равноправными. Если фактически нижняя палата всегда пользуется большимъ вѣсомъ и значеніемъ, по преимуществу располагая правомъ утвержденія бюджета и контроля надъ правительствомъ, то это фактическое неравенство является естественнымъ слѣдствіемъ того, что въ сущности лишь нижняя палата служитъ настоящей выразительницей народной воли. Верхняя же палата, подобно нашему Совѣту, состоящая большею частью изъ лицъ, назначенныхъ главой исполнительной власти, и изъ представителей господствующихъ классовъ, и потому далекая отъ насущныхъ интересовъ главной массы населенія, естественно должна бываетъ ограничиться ролью скорѣе цензора, чѣмъ издателя законовъ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что и

¹⁾ „Согласіе палаты лордовъ, говоритъ Вильсонъ, по закону такъ же необходимо для каждаго законодательнаго акта, какъ и согласіе палаты общинъ; но она не часто отказываетъ въ этомъ согласіи. Если палата общинъ говоритъ авторитетнымъ голосомъ, и если ясно, что за нею стоитъ вся нація, она считаетъ тогда своимъ долгомъ соглашаться. Ея роль въ законодательствѣ была точно опредѣлена, когда была названа ролью тщательной ревнзій. Только того она можетъ мудро и справедливо противиться желанію палаты общинъ, когда есть какое либо сомнѣніе въ истинной волѣ народа“.

наша Дума получить со временемъ преобладающее значеніе. И чѣмъ полнѣе она будетъ выражать общую волю народа, чѣмъ устойчивѣе и согласнѣе будетъ въ ней большинство, тѣмъ скорѣе достигнетъ она преобладанія. Тогда Совѣтъ не рѣшится противиться ей, такъ какъ это значило бы идти противъ воли народа.

Другимъ столь же естественнымъ слѣдствіемъ внутренней мощи нашей Думы будетъ болѣе широкая министерская отвѣтственность. Предоставленное ей право запроса довольно щеделушно. Но и при такомъ правѣ, если Дума сумѣетъ болѣе или менѣе объединиться, то, при свободѣ печати и развитіи общественнаго мнѣнія, ея довѣріе или недовѣріе къ министерству скоро получитъ рѣшающее значеніе для судьбы его, такъ какъ у монарха не будетъ конечно побужденій опираться на сотрудниковъ, которымъ страна не вѣритъ. Парламентарный режимъ устанавливается не столько писанными конституціями, сколько извѣстнымъ соотношеніемъ силъ въ государствѣ и народномъ представительствѣ. Въ различныхъ конституціяхъ Западной Европы мы встрѣчаемъ не мало параграфовъ, которые значатся лишь на бумагѣ, и много такихъ установленій, которыхъ нѣтъ въ законѣ. Права прусскаго ландтага, напримѣръ, очень широко юридически и очень ограниченны фактически. Правомъ законодательной инициативы онъ почти не пользуется, на бюджетномъ правѣ онъ одинъ разъ уже провалился. Главная причина слабости ландтага заключается въ его раздробленности и разъединенности. Гейне сказалъ, что если собрать двѣнадцать нѣмцевъ, то они образуютъ двѣнадцать самостоятельныхъ партій, потому что у cadaго найдется свое убѣжденіе, хотъ чѣмъ нибудь отличающееся отъ убѣжденія всѣхъ другихъ. Эта необыкновенная любовь къ интеллектуальной независимости вмѣстѣ съ обостренностью классовыхъ интересовъ мѣшаетъ образованію большихъ и организованныхъ партій въ Пруссіи и ослабляетъ фактическое вліяніе ландтага. Дѣйствительныя права и нашей Думы будутъ продиктованы не столько законами, которые старѣютъ, какъ говорятъ, ранѣе, чѣмъ высыхаютъ чернила, которыми ихъ пишутъ, сколько политическимъ сознаніемъ народа и духовною мощью его представительства.

Конституція и христіанство.

Если недавно въ нашей церковной печати царило убѣжденіе, что съ христіанской точки зрѣнія самодержавіе представляется наилучшей формой государственнаго устройства, то теперь мало по малу устанавливается взглядъ, что всѣ формы правленія, начиная съ монархическаго абсолютизма и кончая республикой, безразличны въ церковномъ смыслѣ, пожалуй такъ же безразличны, какъ напр. англійскій смокингъ, французскій фракъ и русская сермяга. Такъ ли это?

Одинъ нѣмецкій политико-экономистъ утверждалъ, что такой повидимому безразличный съ этической точки зрѣнія актъ, какъ вбиваніе гвоздя, на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ нравственный элементъ. Въ этомъ замѣчаніи содержится нѣчто большее, чѣмъ простой курьезъ. Внимательный анализъ человѣческой дѣятельности показываетъ, что область этически безразличнаго въ ней гораздо меньше, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Что же касается собственно взаимныхъ отношеній людей, то вообще говоря они не могутъ быть нравственно безразличными. Вотъ почему всѣ соціально-экономическіе и политическіе идеалы обязательно подлежатъ этической оцѣнкѣ. Но что такое представляетъ собою различныя формы государственной и общественной жизни? Это ничто иное какъ отношенія людей, ставшія вслѣдствіе своей постоянной повторяемости стереотипными, обычными. Это кристаллизація живыхъ человѣческихъ отношеній, окаменѣлости или осадки болѣе или мѣнѣе постоянныхъ дѣйствій и идей. Понятно, что въ этихъ формахъ вмѣстѣ съ соціальными и политическими отношеніями людей кристаллизируется и неразрывный съ ними нравственный элементъ. Правда, въ этихъ кристаллизаціяхъ этическій элементъ теряетъ свою жизненность, какъ бы замираетъ. Но онъ имѣетъ свойство при соприкосновеніи съ живою душою снова воскрешать тѣ же нравственныя явленія, какія породили его. Политическія формы продолжаютъ воспитывать въ людяхъ тѣ самыя идеи и чувства, которыя вызвали ихъ происхожденіе.

Какъ бы мы ни разсматривали монархическій абсолютизмъ, съ исторической ли или психологической и юридической точки зрѣнія, мы во всякомъ случаѣ найдемъ въ немъ кри-

сталлизацію нравственной приниженности и духовной порабощенности челоѣческой личности. Къ сожалѣнію мы такъ привыкли къ тому духовному рабству, который проникаетъ весь общественный строй въ абсолютной монархіи, что почти не замѣчаемъ его. Но попробуйте проанализировать свои ощущенія при встрѣчѣ съ жандармомъ, при посѣщеніи полицейскаго, при визитѣ къ начальству, попробуйте войти въ душу всѣхъ этихъ лицъ, когда они видятъ передъ собою объектовъ своихъ правъ, и Вы почувствуете всю силу нравственнаго рабства, все развращающее вліяніе абсолютическаго режима. Эта атмосфера духовной порабощенности, въ которой ни юридически, ни фактически не возможно пользованіе общепризнанными правами личности, противна не только возвышенному христіанскому ученію о всеобщемъ братствѣ людей во Христѣ, но и простой гуманитарной морали. Говорить, что абсолютическій и правовыи строй съ точки зрѣнія христіанства безразличны, значитъ утверждать, что христіанство одобряетъ нравственное насиліе, господство одной личности надъ другой, лишеніе свободы и т. д.

Напротивъ, если мы внимательно всмотримся въ сущность конституціоннаго строя, то обнаружимъ удивительную близость его формъ къ понятіямъ христіанскимъ и формамъ древне-церковнымъ. Мы встрѣтимся здѣсь съ страннымъ фактомъ. Повидимому церковь и государство помѣнялись своими ролями. Въ то время какъ церковь постепенно принимаетъ формы государства, само государство стремится облечься въ формы церкви. Эти два процесса, одинъ назадъ, другой впередъ, составляютъ замѣчательнѣйшую черту въ исторіи церкви и государства.

Древняя церковь не знала того, что обычно зовется властью. Вѣрные слову Господа, апостолы и епископы служили вѣрующимъ, а не господствовали надъ ними. Сообща съ ними они правили церковью; имъ предоставляли они избирать себѣ пастырей, имъ отдавали и отчетъ въ своей дѣятельности. Всѣ вѣрующіе имѣли равныя права на участіе въ церковной жизни, всѣмъ предоставлена была свобода мнѣнія и слова. Но все это продолжалось не долго. Преемники апостоловъ — епископы довольно скоро вкусили сладость власти. Они пожелали быть независимыми отъ паствы и управлять ею по своей исключительно волѣ. Мало по малу уже

съ конца 2-го вѣка стали исчезать завѣщанное апостолами выборное начало и соборный строй церкви. Міряне и клиръ постепенно лишались своихъ правъ на дѣятельное участіе въ жизни церкви и превращались по выраженію древняго писателя въ хвостъ церкви. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ права клира и мірянъ, епископы естественно стали приходить въ столкновеніе другъ съ другомъ. Началась внутренняя борьба изъ за внѣшняго авторитета, изъ за власти, приведшая къ еще большей централизаци и монополизированію церковныхъ правъ. Съ теченіемъ времени въ церкви царили два лица, на западѣ папа, на востокѣ константинопольскій патріархъ. Этимъ лицамъ трудно было ужиться въ одной церкви. „Раздѣленіе церквей, говоритъ проф. Лебедевъ, есть вѣковѣчное свидѣтельство, что два великана іерарха послѣ безплодной борьбы нѣкогда разошлись, сложили оружіе, не видѣвъ возможности побѣдить одинъ другого“. Такъ вкрадывалась въ церковь, по выраженію III всел. собора, подъ видомъ священнодѣйствія надменность власти мірскія и утрачивалась мало по малу свобода, дарованная І. Христомъ. Принявъ формы монархическаго или олигархическаго государства, официальная церковь и во внутренней своей жизни начала проводить отчасти тѣже принципы власти и насилія, что и государство. На мѣсто смиреннаго служенія въ церковной іерархіи явился духъ господства и любоначалія, на мѣсто нравственнаго убѣжденія внѣшнее воздѣйствіе. Тамъ гдѣ у церкви не было собственныхъ средствъ для подавленія свободы, она пользовалась дорого оплачиваемыми услугами государства, преслѣдуя еретиковъ и раскольниковъ, стѣсняя свободу мысли и слова.

Иной процессъ наблюдаемъ мы въ государствахъ. Процессъ этотъ, какъ свидѣтельствуется исторія, начался подъ несомнѣннымъ вліяніемъ христіанства. Уже въ 16 вѣкѣ Робертъ Браунъ и его послѣдователи возстановили въ Англіи демократическій принципъ церковной организаціи. Они понимали церковь, какъ общину вѣрующихъ, получившихъ отъ Бога право самоуправленія при помощи выборныхъ іерархическихкихъ лицъ. Этотъ принципъ вскорѣ былъ перенесенъ и въ политическую жизнь. Въ началѣ 17 вѣка мы видимъ не мало попытокъ подобнаго рода. Конгрегационалисты, пурп-

тане въ разныхъ мѣстахъ основываютъ колоніи, въ которыхъ община сама издаетъ законы, сама выбираетъ себѣ правителей. Въ тоже время подъ вліяніемъ пробудившейся религіозной свободы англійскіе реформаторы все настойчивѣе начинаютъ проводить требованіе свободы совѣсти. Это требованіе вносится въ англійскіе билли. Мы встрѣчаемъ его уже въ проектѣ новой конституціи, выработанной въ 1647 г. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ власть парламента признается ограниченной и перечисляется рядъ вопросовъ, которыхъ не должна касаться законодательная власть парламента, таковы прежде всего вопросы вѣры, свобода совѣсти. Провозглашеніе свободы совѣсти послужило началомъ деклараціи и всѣхъ другихъ неотчуждаемыхъ правъ личности. Здѣсь такимъ образомъ были даны всѣ главнѣйшіе элементы для послѣдующихъ конституцій. Было установлено, что верховная власть должна принадлежать не одному лицу и не нѣсколькимъ, а всему народу, подобно тому, какъ власть церковная принадлежитъ всему тѣлу церкви. Каждый членъ государства, подобно члену церкви, имѣетъ право на активное участіе въ управленіи обществомъ. Лица свѣтской іерархіи пользуются преимущественными правами, не какъ собственники этихъ правъ, а какъ уполномоченные отъ гражданъ, и потому подлежатъ отвѣтственности передъ ними. Они уже не владыки, не господа, не повелители, а представители и слуги народа, орудіе закона, простые вѣстники народной воли, каждую минуту готовые дать отчетъ своимъ довѣрителямъ. Во всѣхъ этихъ чертахъ конституціоннаго государства легко узнать не только выборное начало и соборный строй церкви, но и живые отзвуки древнецерковнаго понятія о власти. Спаситель говорилъ апостоламъ: *царіе языкъ господствуютъ или, вы же не тако: но болій въ васъ да будетъ яко мкій: и старій, яко служаей*. Далеко не ясно, къ кому теперь въ большей степени относится выраженіе: *царіе языкъ господствуютъ или*, къ свѣтской ли конституціонной власти или къ церковной іерархіи.

Таковъ замѣчательный фактъ, наблюдаемый въ исторіи церковной и государственной жизни. Сказать послѣ этого, что абсолютическій и конституціонный строй безразличны съ точки зрѣнія христіанства, значитъ не узнать собственного, давно потеряннаго сокровища.

В. Мышцынъ.